

Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича ¹⁾.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву вел. кн. Константинъ Павловичъ нерѣдко останавливался въ Брестѣ въ домѣ богатаго тамошняго купца Розенмайера. Розенмайеръ устроилъ при столовой спеціальную кладовую, гдѣ хранилось все необходимое къ приему цесаревича со свитой.

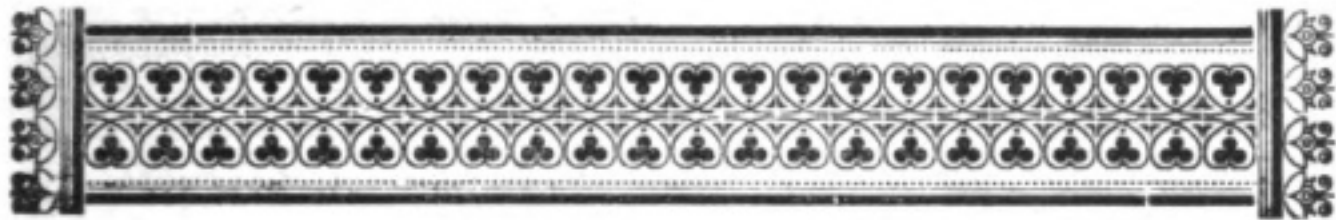
Въ 1831 г. однажды, поздно ночью, купецъ, сидя въ столовой, заканчивалъ свою работу, какъ вдругъ услышалъ осторожный стукъ въ наружную дверь. Не желая будить прислугу, Розенмайеръ вышелъ въ сѣни, открылъ дверь и отпрянулъ въ ужасѣ: передъ нимъ стоялъ цесаревичъ, одинъ, безъ свиты; воротникъ его шинели былъ поднятъ, шапка надвинута на глаза. „Ваше Высочество“, еле выговорилъ Розенмайеръ. „Молчи, ни слова“, грознымъ шепотомъ отвѣтилъ цесаревичъ; потомъ молча прошелъ въ столовую и какъ-бы въ изнеможеніи опустился на диванъ. Оправившись отъ испуга, хозяинъ подошелъ было къ двери, чтобы разбудить спавшую дочь и прислугу. „Ни съ мѣста“, тихо, но внушительно сказалъ великій князь: „никто не долженъ знать о моемъ пребываніи въ твоёмъ домѣ“. Старикъ такъ и застылъ у дверей. „Чаю, прошу тебя; хочется согрѣться; только никого не буди, готовъ самъ и не выходи изъ этой комнаты“.

Розенмайеръ безмолвно повиновался: досталъ изъ знакомой цесаревичу кладовой при столовой чайный приборъ и сталъ готовить чай. Замѣтивъ на себѣ пристальный взглядъ Константина Павловича, хозяинъ окончательно растерялся; неожиданность ночного визита и странное поведеніе великаго князя приводили его въ ужасъ.

Когда чай былъ готовъ, Розенмайеръ сталъ искать сахаръ, но

---

¹⁾ Эпизодъ относится къ эпохѣ польскаго возстанія и переданъ автору родственницей дѣйствующаго въ разсказѣ лица, Розенмайера.

Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича ¹⁾.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву вел. кн. Константинъ Павловичъ нерѣдко останавливался въ Брестѣ въ домѣ богатаго тамошняго купца Розенмайера. Розенмайеръ устроилъ при столовой спеціальную кладовую, гдѣ хранилось все необходимое къ приему цесаревича со свитой.

Въ 1831 г. однажды, поздно ночью, купецъ, сидя въ столовой, заканчивалъ свою работу, какъ вдругъ услышалъ осторожный стукъ въ наружную дверь. Не желая будить прислугу, Розенмайеръ вышелъ въ сѣни, открылъ дверь и отпрянулъ въ ужасѣ: передъ нимъ стоялъ цесаревичъ, одинъ, безъ свиты; воротникъ его шинели былъ поднятъ, шапка надвинута на глаза. „Ваше Высочество“, еле выговорилъ Розенмайеръ. „Молчи, ни слова“, грознымъ шепотомъ отвѣтилъ цесаревичъ; потомъ молча прошелъ въ столовую и какъ-бы въ изнеможеніи опустился на диванъ. Оправившись отъ испуга, хозяинъ подошелъ было къ двери, чтобы разбудить спавшую дочь и прислугу. „Ни съ мѣста“, тихо, но внушительно сказалъ великій князь: „никто не долженъ знать о моемъ пребываніи въ твоёмъ домѣ“. Старикъ такъ и застылъ у дверей. „Чаю, прошу тебя; хочется согрѣться; только никого не буди, готовъ самъ и не выходи изъ этой комнаты“.

Розенмайеръ безмолвно повиновался: досталъ изъ знакомой цесаревичу кладовой при столовой чайный приборъ и сталъ готовить чай. Замѣтивъ на себѣ пристальный взглядъ Константина Павловича, хозяинъ окончательно растерялся; неожиданность ночного визита и странное поведеніе великаго князя приводили его въ ужасъ.

Когда чай былъ готовъ, Розенмайеръ сталъ искать сахаръ, но

---

¹⁾ Эпизодъ относится къ эпохѣ польскаго возстанія и переданъ автору родственницей дѣйствующаго въ разсказѣ лица, Розенмайера.

ничего не нашель, кромѣ маленькаго ящичка съ сахарнымъ пескомъ; разбудить дочь или позвать прислугу онъ, конечно, не смѣлъ.

Наливъ чай въ стаканъ, хозяинъ сталъ сыпать въ него сахарный песокъ изъ ящичка. Внезапно цесаревичъ вскочилъ съ дивана, схватилъ Розенмайера за руку и громко спросилъ: „Что ты сдѣлалъ?“

Тутъ только хозяинъ понялъ странное поведеніе ночного гостя и, спокойно посмотрѣвъ на цесаревича, сказалъ: „Ваше Высочество, чай, навѣрное, еще не сладокъ; позвольте мнѣ отвѣдать.“— „Молодецъ!“ вырвалось у великаго князя и, придвинувъ къ себѣ стаканъ, онъ спокойно поднесъ его ко рту.

„Нѣтъ ли у тебя лошадей, лишняго пальто и надежнаго чело-вѣка?“ спросилъ Константинъ Павловичъ послѣ чаю. „Какъ не быть“, отвѣтилъ хозяинъ, принесъ великому князю широкую шубу съ большимъ мѣховымъ воротникомъ, вышелъ съ нимъ во дворъ, осторожно разбудилъ стараго слугу; не называя гостя, объяснилъ слугѣ, куда и какимъ путемъ нужно ѣхать, и какъ нужно держать себя въ пути. Цесаревичъ сѣлъ въ сани и, прощаясь съ Розенмайеромъ, сказалъ: „Проси какой хочешь награды“.

„Ваше Высочество“, отвѣтилъ тотъ: „я уже старъ, мнѣ ничего не нужно; сыновей у меня нѣтъ, а единственная дочь очень богата“.

Великій князь настаивалъ. Розенмайеръ вспомнилъ тревоженія минувшей ночи и рѣшительно сказалъ: „У меня есть одно желаніе“.— „Говори“.— „Если Ваше Высочество хотите успокоить мою старость, прикажите навсегда освободить мой домъ отъ постоевъ“.— „Дуракъ!“ раздраженно крикнулъ цесаревичъ и велѣлъ погонять лошадей.

Вскорѣ послѣ ночного визита, старикъ, къ крайнему своему изумленію, получилъ изъ Петербурга официальное извѣщеніе о пожалованіи его корнетомъ гвардіи.

Сообщ. Д. Атласъ.

